

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

В. И. АБАЕВ

О ПОДАЧЕ ОМОНИМОВ В СЛОВАРЕ

Советская лексикография имеет крупнейшие достижения в теории и практике. Словарная работа получила у нас такой размах и проводится на таком высоком уровне, как никогда. Наши выдающиеся лексикографы Л. В. Щерба, Д. Н. Ушаков и другие обосновали и практически показали, что серьезная лексикографическая работа несовместима с дилетантизмом и кустарщиной, что она должна с начала до конца строиться на строго научных основаниях.

Высокой оценки заслуживает деятельность Гос. изд-ва иностранных и национальных словарей. Это издательство стало не только крупнейшей в мире фабрикой словарей, но и творческой лабораторией, где ведется повседневная и неутомимая научная работа по совершенствованию, оттачиванию, шлифовке методов и принципов лексикографической работы. Огромна и, быть может, не получила еще достойной оценки работа Словарного издательства по составлению словарей национальных языков Советского Союза, из которых многие не имели до этого никакой или почти никакой лексикографической традиции и где, стало быть, приходилось строить и создавать буквально на пустом месте.

Разумеется, как во всяком большом деле, в нашей словарной работе не обходится без трудностей, ошибок и недочетов. Если в целом советская лексикография находится в состоянии неуклонного поступательного движения, где каждый новый этап знаменует определенный прогресс по сравнению с предшествующим, то это не значит, что абсолютно все новое, что мы находим в последних словарях и что отличает их от словарей более ранних, заслуживает безоговорочно положительной оценки.

К числу таких наводящих на размышления повешеств относится наметившееся в последнее время необычное понимание о м о н и м и и и вытекающая из такого понимания подача омонимов в словаре.

Каждый, кто следил за нашей новейшей лексикографией, мог заметить странное явление: в одних и тех же словарях от одного издания к другому количество омонимов катастрофически растет. Если так пойдет дальше, то через десяток лет наши словари будут сплошь состоять из одних омонимов.

Мы заинтересовались: откуда берутся в таком количестве новые омонимы? К счастью, дело оказалось не хитрое. Размножение омонимов идет в основном за счет полисемии; некоторые случаи полисемии, ничто же сумняшеся, объявляются омонимией. Почему? На каком основании? Кто и где доказал, что омонимия и полисемия—это одно и то же? Неизвестно.

Происшедшую во взглядах на омонимы эволюцию (если хотите, «революцию») легко заметить, если сравнить, например, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935—1940 гг.) со «Словарем русского языка», составленным С. И. Ожеговым, а также первое издание «Словаря русского языка», составленного С. И. Ожеговым (1949 г.), с последующими изданиями того же словаря. От издания к изданию коли-

чество «омонимов» возрастает, в последних изданиях появилось множество «омонимов», которых не было в первом издании словаря. В издании 1953 года¹ как раз н ы е слова даны, например: *белок* яйца и *белок* как органическое вещество; *вольный* «свободный» и *вольный* «имеющий возможность свободно делать что-н.»; *долг* «обязанность» и *долг* «взятое взаймы»; *лад* в быту и *лад* в музыке; *лист* дерева и *лист* бумаги; *лопатка* «орудие» и *лопатка* «кость»; *операция* хирургическая и *операция* военная; *оригинальный* «незаимствованный» и *оригинальный* «своеобразный»; *отрасль* как ветвь растения и *отрасль* как ветвь науки; *перо* птичье и *перо* металлическое; *печать* типографская и *печать* на документе; *плитка* «кухонная печь» и *плитка* электрическая; *политический* вообще и *политический* в составе термина «политическая экономия»; *пояс* «ремень» и *пояс* географический; *реализм* в литературе и *реализм* в жизни; *славный* «пользующийся славой» и *славный* «очень хороший»; *сосуд* «вместитель для жидкости» и *сосуд* кровеносный; *стрелка* на часах и *стрелка* железнодорожная; *удар* обычный и *удар* апоплексический; *фаза* «период в историческом развитии» и *фаза* «стадия в ходе развития чего-н.»; *чугун* «металл» и *чугун* «сосуд из этого металла»; *язык* как орган речи и *язык* как речь.

Вместо одной *молнии* появилось целых три (1. атмосферная, 2. телеграмма, 3. застевка), равно три *театра*, три *строя* и пр.

Разными глаголами признаны: *грести* граблями и *грести* веслом; *запрудить* (о воде) и *запрудить* (о толпе); *лить* (о воде) и *лить* (о металле); *отвлечь* «отклонить» и *отвлечь* «абстрагировать»; *палить* «жечь» и *палить* «стрелять»; *прожигать* «давать гореть» и *прожигать* жизнь; *разложить* по разным местам и *разложить* на части; *стать* «сделаться» и *стать* как вспомогательный глагол в значении «сделаться»; *считать* (о счете) и *считать* «полагать»; *тискать* «давить» и *тискать* «печатать»; *топить* печь и *топить* молоко и многие другие. Вместо одного появилось три глагола *перестроить*, три глагола *пристроить*, три глагола *трогать*, четыре глагола *травить* и т. п. Все эти подозрительные «омонимы» даются на тех же основаниях и под теми же знаками, как общеизвестные «классические» омонимы: *лук* (растение) и *лук* (оружие), *брак* (супружество) и *брак* (плохая продукция), *бор* (лес) и *бор* (сверло), *тур* (вальса) и *тур* (горный козел), *клуб* (дыма) и *клуб* (рабочий клуб), *коса* (орудие) и *коса* (женская) и т. п. Составитель поясняет, что все эти словарные новшества являются следствием «...более широкого, чем обычно в словарях, понимания омонимии»². Что верно, то верно. Понимание широкое! Под омонимию широко подводятся явления, которые мы до сих пор называли п о л и с е м и е й.

Омонимное поветрие захватило не только русские словари. Перед нами 2-е издание «Англо-русского словаря», составленного В. Д. Аракиным, З. С. Выгодской, Н. Н. Ильиной. Словарь кишит «омонимами». Подавляющего большинства этих омонимов в первом издании не было. То, что в прежних словарях давалось как одно, максимум 2—3 слова, теперь превратилось в 5—9 слов: *up* I. . . , *up* II. . . , *up* III. . . , *up* IV. . . , *up* V. . . , *down* I. . . , *down* II. . . , *down* III. . . , *down* IV. . . , *down* V. . . , *down* VI. . . , *down* VII. . . , *drill* I. . . , *drill* II. . . , *drill* III. . . , *drill* IV. . . , *drill* V. . . , *drill* VI. . . , *drill* VII. . . Можно себе представить, как будут ошарашены англичане, узнав, что у них не одно, а девять слов *right*! В предисловии составители уверяют, что такая необычная картина соответствует «... научным положениям современной лексикологии...»³.

¹ См. «Словарь русского языка», сост. С. И. Ожегов, 3-е изд., М., 1953.

² Указ. словарь, стр. 3.

³ См. «Англо-русский словарь», сост. В. Д. Аракин, З. С. Выгодская, Н. Н. Ильина, 2-е изд., М., 1954, стр. 3.

Что же привело наших лексикографов к такому «более широкому» пониманию омонимии? Что это за таинственные «научные положения современной лексикологии», под действием которых омонимы плодятся, как грибы после дождя? Может быть, в последние годы появились глубокие теоретические исследования, в которых доказано, что разные значения одного слова и одинаковое звучание разных слов — это одно и то же? Нет, таких исследований не видно. Да и трудно было бы доказать, что созвучие в названиях яичного *белка* и химического *белка*¹, птичьего *пера* и металлического *пера*, древесного *листа* и бумажного *листа* — явление такого же порядка, как созвучие в словах *тур* (в танце) и *тур* «козел».

Объективно в лексике существуют два в корне различных, ничего общего между собой не имеющих явления: омонимия и полисемия. Первая может быть изображена схематически двумя параллельными линиями, которые, как это и полагается параллельным линиям евклидовой геометрии, никогда и нигде не сходятся; вторая же (полисемия) может быть изображена двумя линиями, вышедшими из одной точки:

Омонимия

||

Полисемия

Λ

Значения слов *тур* (в танце) и *тур* «козел», как две параллельные линии, никогда и нигде не сходились в одно понятие, тогда как *лист* древесный и *лист* бумажный вышли из одной точки, из одного понятия.

Между этими двумя явлениями (омонимии и полисемии) нет никаких мостов, никаких переходных видов. Смешение их было простительно тогда, когда историко-лексикологические и этимологические знания находились на такой младенческой ступени, что зачастую составители словарей просто не могли разобраться, где разные слова и где разные значения одного слова. Но не странно ли, что именно теперь, когда историческая лексикология поднялась на такой высокий уровень, составители наших словарей стали путать самые разнородные явления! Получается какой-то парадокс: чем точнее и совершеннее становятся наши знания по истории слов и, стало быть, чем лучше мы вооружены, чтобы разобраться в действительных и мнимых омонимах, тем больше произвола, путаницы и неразберихи в подаче омонимов в наших словарях. Никогда прежде не было таких благоприятных условий, чтобы разрешить вопрос об омонимах на подлинно научных основаниях. А между тем, судя по нашим словарям, никогда этот вопрос не был так запутан, как сейчас.

Когда кто-либо ошибочно, по созвучию, сближает этимологически два слова, которые в действительности генетически не связаны, мы говорим: здесь нет этимологической связи, это простая омонимия. Иначе говоря, созвучие по омонимии, как созвучие с л у ч а й н о е, мыслится как нечто противоположное созвучию, основанному на е д и н с т в е п р о и с х о ж д е н и я. Такое понимание омонимии совершенно правильно, так как только при этом понимании проводится четкая демаркационная линия между омонимией (одинаковое звучание разных слов) и полисемией (разные значения одного слова).

В старой лексикографии также можно найти примеры, когда сильно разошедшиеся значения одного слова подаются как омонимы. Но обычно это имеет место в тех случаях, когда начало дифференциации значений находится за пределами засвидетельствованной истории данного языка, когда на протяжении всей истории языка разошедшиеся значения мы-

¹ Примеры здесь и ниже берутся из указ. 3-го изд. «Словаря русского языка», сост. С. И. Ожеговым.

слились уже как разные слова. Автор одной из недавних работ об омонимии Э. Еман считает правомерным отнесение к омонимам некоторых случаев расхождения значений первоначально одного слова. Но тут же добавляет: «...Durch Bedeutungs-differenzierung entstandenen Homonyme gleichen Ursprungs werden nicht von allen als Homonyme anerkannt». «Омонимы, возникшие в результате дифференциации значений, не всеми признаются за омонимы»¹. Вопрос, однако, не в том, какие существуют или какие мыслимы взгляды на омонимию. Вопрос в том, какая трактовка проблемы омонимии отвечает нашему лингвистическому мировоззрению. В основе смешения омонимии с полисемией лежит представление о том, что всякое новое употребление слова есть новое слово и что, стало быть, — если довести эту концепцию до логического конца, — слово никогда не тождественно самому себе, оно неповторимо: нельзя дважды произнести одно и то же слово, как нельзя, по Гераклиту, войти дважды в одну и ту же реку. Языку, по этой концепции, свойственна сплошная, тотальная омонимичность, ибо всякая полисемия есть в то же время омонимия. История языка, преемственная связь значений внутри языкового коллектива полностью игнорируется.

Тот, кто стал на путь «расширения» омонимии за счет полисемии, никогда не может сказать, а главное — доказать, где нужно остановиться. Полисемия имеет столько видов, степеней, градаций, границы между ними так тонки и неуловимы, что произвол и субъективность становятся неизбежными. Насколько легко провести границу между омонимией (истинной) и полисемией, настолько трудно провести ее между разными степенями и аспектами полисемии. Поэтому пускаться в безбрежное море полисемии, чтобы вылавливать там сомнительные омонимы, это значит отказаться от какой бы то ни было устойчивой, стабильной, общеобязательной системы подачи омонимов в словаре.

Разумеется, разобраться в разных аспектах полисемии, разных степенях разрыва семантических связей — тоже дело важное и нужное. Но первое, что нужно сделать — это четко отграничить полисемию от омонимии, помня, что ни один случай полисемии не имеет ничего общего ни с одним случаем омонимии.

Что омонимия в новом «более широком» понимании становится царством произвола и путаницы, можно показать на ряде примеров. Возьмем случай с глаголом *палить*. Допустим, что мы примирились с тем, что *палить* «жечь» и *палить* «стрелять» — два разных слова, между которыми произошел «разрыв семантических связей». Но ведь аналогичные значения присущи и существительному *огонь*: 1) «пламя», 2) «стрельба» (с разным словообразованием: *огненный* и *огневой*)! Почему же здесь нет омонимов? По воле лексикографа два совершенно идентичных явления подаются то как омонимия, то как полисемия.

Кто докажет, что между *здоровый* в смысле «обладающий здоровьем» и *здоровый* в смысле «крепкий», «сильный» больше разрыв семантической связи, чем между *крепкий* (об орехе) и *крепкий* (о вине)? В пользу большей «омонимичности» в последнем случае можно указать на то, что *здоровый* в обоих значениях может вступать в одинаковые словосочетания (*здоровый парень* и в смысле «обладающий здоровьем», и в смысле «сильный»), тогда как для *крепкий* это совершенно исключено.

Следовало бы вообще избегать слишком поспешных утверждений о «разрыве семантических связей». О человеке цветущего здоровья говорят: *здоров как бык*. Почему *как бык*? Ведь бык тоже может быть больным. И уж, конечно, здоровая муха здоровее больного быка. Если все

¹ E. Ohman, Über Homonymie und Homonyme im Deutschen, «Annales Academiae scientiarum fennicae», Ser. B, t. XXXII, Helsinki, 1934, стр. 18.

же для сравнения берется бык, то только потому, что здесь в слове *здоровый* сочетаются, наплывают друг на друга оба значения: «не больной» и «сильный, мощный».

Вообще нет ничего обманчивее впечатления разорвавшихся семантических связей. Значения, которые на первый взгляд кажутся полностью обособившимися, могут в определенных случаях, в определенном контексте «вспомнить» о своем родстве и близости и неуловимо переходить одно в другое.

Худой «тощий» и *худой* «плохой» даются как разные слова, а *красный* во всех значениях — как одно. Но где больше чувствуется «разрыв семантических связей», в выражениях ли: *красное вино*, *Красная армия*, *красная девица*, *красная рыба* или в выражении *худая скотина*, где могут совмещаться оба значения: «истощенная», а потому «плохая»? Где объективные основания, в силу которых *вольный* разбивается на два слова, а *настоящий* «нынешний» и *настоящий* «подлинный» остаются одним словом?

Горячий, прямо из печки хлеб будет *свежим* хлебом. С другой стороны, мы говорим *свежий ветер*, *на дворе свежо* в смысле «холодно». В одном случае *свежесть* ассоциируется с «теплом», в другом — с «холодом». Это ли не полный «разрыв семантических связей»? А между тем здесь не признается омонимия.

Зато жертвой нового понимания омонимии стало слово *славный*. Оказывается, в русском языке не одно, а два а слова этого звучания: одно означает «достойный славы», другое — «очень хороший, симпатичный». В связи с этим хотелось бы задать вопрос, какое из этих двух слов употреблено в известной песне *Славное море, священный Байкал*? По-видимому, — первое. Ведь речь идет о знаменитом, прославленном Байкальском озере. Переходим к смежным стихам: *Славный корабль — омулевая бочка...*; *Славный мой парус — кафтан дыроватый...* К бочке и дырявому кафтану меньше применим эпитет «достойный славы». Здесь, надо полагать, мы имеем дело уже с совершенно «другим» словом: *славный* «хороший», «симпатичный».

Но если в смежных стихах используются два разных слова одного звучания, то это называется к а л а м б у р о м. Почему же, однако, мы не чувствуем здесь никакого каламбура? Почему мы не чувствуем даже намека на какую-либо двусмысленность и нам не приходится ломать голову над тем, какое из двух «разных» слов употреблено в каждом случае? Это было бы невозможно, если бы между двумя значениями слова *славный* действительно разорвалась всякая связь, если бы они не «скользили» одно в другое. В действительности такая связь существует. Объединяющим оба значения является понятие «достойный хвалы», «хороший»¹.

Много недоумений вызывают новоявленные г л а г о л ы и е «омонимы» вроде упомянутых выше *грести*, *запрудить*, *лечь*, *изменить*, *палить*, *прожигать*, *пристроить*, *перестроить* и др. Непонятно и тут, почему в одних случаях признается омонимия, а в других нет. Так, например, *изменить* в смысле «перемениить» и *изменить* в смысле «нарушить верность» трактуются не как разошедшиеся значения одного слова, а как два разных слова. Правильно ли это? У Владимира Соловьева в одном стихотворении имеются такие строки:

Ты мне верность клялся сохранить.
Клятву ты позабыл, но изменой
Мог ли сердце мое изменить?

¹ На заседании редколлегии журнала «Вопросы языкознания» при обсуждении настоящей статьи возник спор, в каком значении употреблено слово *славный* в первом стихе (Славное море...). То, что такой спор возможен, лучше всяких рассуждений доказывает, что перед нами не два разных слова, а два близких значения одного слова.

«Изменить изменой...» Как будто игра слов. Но на чем она основана? На том ли, что между этими двумя словами полностью разорвалась семантическая связь, или, напротив, именно на том, что такая связь существует? В первом случае мы имели бы дело с каламбуром. Но тон всего стихотворения—мало сказать серьезный—торжественно-приподнятый—совершенно исключает даже мысль о каламбуре. Стало быть, поэт обыгрывает здесь б л и з о с т ь двух слов, а не их разрыв. *Измена* есть «изменение», изменение отношения.

Когда мы слушаем песенку герцога из оперы «Риголетто»—*Сердце красавицы склонно к измене и перемене*,—мы воспринимаем слова *измена* и *перемена* не как два семантически не связанных слова, а как исключительно близкие понятия, почти синонимы. И уж если говорить о разрыве семантических связей, то он гораздо больше чувствуется, например, между двумя значениями слова *поправиться*: 1) «исправить ошибку» и 2) «выздороветь». А между тем *поправиться* дано как одно слово, а не два.

Любопытно, что *верный* «правильный» и *верный* «преданный», где степень семантического «разрыва» примерно такая же, как у двух значений глагола *изменить*, трактуются не как два, а как одно слово.

С удивлением узнаем мы далее, что существуют два разных глагола *пестреть*, причем в выражении *пестрели цветы* мы имеем дело с *пестреть*¹, а в выражении *пестрели флаги* с *пестреть*². В то же время *идти* «двигаться» и *идти* «быть к лицу» даются как одно слово.

Непонятно, почему при «широком» понимании омонимии не оказались разными словами *поднять* якорь и *поднять* восстание, *провести* дорогу и *провести* «обмануть», *служить* в армии и *служить* «стоять на задних лапах» и т. п.

В выражениях *перестроить план*, *перестроить ряды* и *перестроить роль* мы имеем будто бы дело с тремя разными словами, а в выражениях *снять скатерть*, *снять фотографию* и *снять комнату*—с одним и тем же словом.

В выражениях *подвести фундамент*, *подвести товарища* и *подвести глаза* не признается омонимии. А вот в выражениях *вывести формулу* и *вывести узор* будто бы налицо два разных слова.

На некоторых типичных случаях можно показать беспомощность, непоследовательность и произвол, которые составляют отличительное свойство «нового» понимания омонимии.

Случай первый: слово, помимо обиходного значения, имеет еще специальное, терминологическое значение в какой-либо области науки или практики. Как и следовало ожидать, специальное значение то выделяется в омоним, то нет, на основании каких то не поддающихся учету мотивов.

Считаются омонимами: *пестик* «маленький пест» и *пестик* «часть цветка»; *зонтик* «зонт» и *зонтик* «социетис»; *клетка* в обиходном значении и *клетка* в биологии; *червяк* «червь» и *червяк* «винт с особой нарезкой», *челнок* «маленький челн» и *челнок* в ткацком станке и швейной машине.

Не считаются омонимами: *корень* растения, *корень* в математике и *корень* в лингвистике; *ручка* «маленькая рука» и *ручка* «письменная принадлежность»; *крошка* «малюшка» и *крошка* «сыпучее вещество»; *лейка* «углубление» и *лейка* партийная.

Существует, оказывается, два слова *вид*, три слова *род*, но только одно слово *семейство*. При этом *род* как подразделение в систематике и *род* как грамматическая категория—это будто бы р а з н ы е слова, а *вид* как подразделение в систематике и *вид* как грамматическая категория—одно слово. Слово *вид* в обиходном значении и *вид* как подразделение в систематике рассматриваются как д в а слова, а *семейство* в обиходном

значении и *смейство* как подразделение в систематике считаются одним словом.

Кислый в обычном значении и *кислый* в химии оказываются омонимами, а *жесткий* «твердый» и *жесткий* «насыщенный известковыми солями» омонимами не считаются.

Цепь обычная и *цепь* в химии считаются одним словом, а *проводник* «провожатый» и *проводник* в физике—двумя разными словами.

Выделены в омонимы *бык* «устой моста», *кобыла* «гимнастический снаряд», хотя их связь с исходными словами *бык* и *кобыла* очевидна для каждого¹.

Случай второй: с у б с т а н т и в а ц и я п р и л а г а т е л ь н ы х и п р и ч а с т и й. Субстантивированные *рабочий*, *русский* подаются как омонимы, тогда как в отношении субстантивированных *ученый*, *рядовой*, *больной*, *раненый*, *ближний* этого не делается.

Случай третий: и м я, б у д у щ и о ф о р м л е н о с у ф ф и к с о м о т в л е ч е н н ы х с л о в, и м е е т, н а р я д у с о т в л е ч е н н ы м, т а к ж е п р е д м е т н о е з н а ч е н и е.

Крепость как отвлеченное от *крепкий* и *крепость* «укрепленное место» даются как разные слова. Но *сладость* как отвлеченное от *слабкий* и *сладость* «лакомство» даются как одно слово, хотя в последнем случае преимущественное употребление во множественном числе (*сладости*) говорит о большем «разрыве связей».

Не считаются омонимами также *высота* отвлеченное от *высокий* и *высота* «гора», *низость* отвлеченное от *низкий* и *низость* «бесчестный поступок», *подлость* отвлеченное от *подлый* и *подлость* «подлый поступок» и др. Таким образом, и здесь не видно какого-либо единого принципа выделения омонимов.

Случай четвертый: с л о в о и м е е т, п о м и м о о с н о в н о г о, п е р е н о с н о - о б р а з н о е з н а ч е н и е. Перед нами та же непоследовательность. Попробуйте разобраться, почему *жила* «скупой, прижимистый человек» выделено в омоним, а *шкура* «продажный человек», «вымогатель и шкурник»—нет. *Фрукт* «неприятный человек», *шишка* «важный человек» оказываются омонимами, а *шляпа* «растяпа» дается в одном гнезде с основным значением «головной убор». *Шпилька* «язвительное замечание» выделяется как особое слово, хотя глагол *язвить* и в прямом, и в переносном значении рассматривается как одно слово.

Случай пятый: с л о в о, п о м и м о о б ы ч н о г о, и м е е т ж а р г о н н о - э к с п р е с с и в н о е у п о т р е б л е н и е. Сюда относится, например, своеобразное экспрессивное употребление таких глаголов, как *дуть*, *жарить*, *катать*, *сидеть*, *чесать* и др. в смысле интенсивного действия: *дует на балалайке*, *жарит на гармонии*, *катает!* «делай что-либо во всю», *так и сидит по дороге* «быстро бежит», *так и чешут из пулеметов* и т. п.

Во всех случаях экспрессивное значение представляется весьма сильно отошедшим от прямого. Вместе с тем несомненно, что глубокий анализ семантической истории этих глаголов и их употребления может вскрыть утраченную теперь, казалось бы, связь экспрессивного значения с основным и восстановить промежуточные семантические представления. Бесспорно одно: все приведенные случаи—явления одного порядка, и мы вправе ожидать, что они подаются в Словаре одинаково. Ничуть не бы-

¹ Мы имеем здесь распространенное явление, когда предметы материальной культуры получают название животных. Так, персидское *хак* «осел» означает также «подставка», «кобылка» (у скрипки), осетинское *хæрæг* «осел» — «потолочная балка», немецкое *Vock* «козел» — «козлы», «подмости», «бык моста», «ледорез», «таран», «кобылка» «кронштейн» и многое другое.

вало. Экспрессивные значения глаголов *жарить*, *катать* и *садить* выделяются в омонимы, тогда как в отношении глаголов *дуть* и *чесать* этого не делается. Почему — неизвестно.

Такая непоследовательность замечается и в других случаях. *Свистнуть* «украсть», *подмазать* «дать взятку», *отколо́ть* «сказать или сделать что-нибудь неуместное или неожиданное» выделены в омонимы. Но *выкинуть* «проделывать», *привести* «обмануть», *загнать* «продать», *загнуть* «сказать» (*загнуть словечко*) омонимами не считаются.

Можно было бы привести еще десятки примеров произвола и непоследовательности в трактовке омонимов. Но и приведенного материала достаточно, чтобы убедиться, что так называемое «более широкое» понимание омонимии ни в одном случае не способно свести концы с концами. Особенность этого понимания состоит в том, что оно полностью запутывает ясные взаимоотношения между омонимией и полисемией и превращает проблему омонимии в зыбучий песок, на котором нигде нельзя ступить твердой ногой. То, что еще сегодня не считалось омонимами, завтра может стать омонимами, и обратно. Лексикограф, в его отношении к омонимам, уподобляется вышеупомянутой красавице, сердце которой склонно к измене и перемене, как ветер мая.

С сожалением приходится отметить, чтоготавливаемый в настоящее время четырехтомный академический словарь русского языка, судя по вышедшей «Инструкции»¹, намерен увековечить эту неразбериху. В этой «Инструкции» в главе, посвященной омонимам (стр. 23—29), поразительным образом смешиваются и подводят под одну рубрику самые различные вещи. Если верить «Инструкции», то созвучие слов *рабочий* (прилагательное) и *рабочий* (существительное) — явление такого же порядка, как созвучие *мол* (существительное) и *мол* (вводное слово) (стр. 24). Только в кривом зеркале так называемого «синхронного» подхода может так неузнаваемо искажаться объективное положение вещей. Слово *славный* и по этой инструкции превращается в два разных слова, причем эта мнимая омонимия считается идентичной с такими действительными омонимами, как *примерный* «отличный» и *примерный* «приблизительный», *наушник* «часть теплой шапки» и *наушник* «тот, кто наушничает».

«Новое» понимание омонимии привело фактически к полной дезориентировке при решении вопросов омонимии в лексикографической практике. Обычными стали диалоги такого, примерно, порядка:

Составитель словаря: «Мне кажется, что здесь мы имеем омонимию».

Редактор: «А мне кажется, что здесь нет омонимии».

Составитель: «Мне кажется, что тут произошел разрыв семантических связей».

Редактор: «А мне кажется, что тут еще нет полного разрыва семантических связей» и т. д.

Никаких других аргументов, кроме «кажется», ни та, ни другая сторона, разумеется, привести не может, так как таких аргументов и не существует. «Более широкое» понимание омонимии — это царство субъективности. Каждый лексикограф смело полагается на свою «интуицию». Если учесть, что практика русской лексикографии служит образцом, которому следуют лексикографы всех языков Советского Союза, то можно представить, какую сумятицу посеет в их головах «широкое» и все расширяющееся из года в год понимание омонимии.

С таким положением нельзя больше мириться. Нельзя мириться с тем, чтобы в словарях нам преподносили вместо объективных фактов язы-

¹ «Инструкция для составления „Словаря современного русского литературного языка (в трех томах)“, [Ин-т языкознания АН СССР, Л.], 1953.

новой действительности субъективные соображения того или иного лексикографа о «разрыве семантических связей». Нельзя мириться с тем, чтобы омонимия в наших словарях стала той областью, где всяк молодец орудует на свой образец.

Чтобы этого не было, надо проблему омонимии поставить на твердую научную основу. Такой основой может быть только историческая лексикология. Схоластические рассуждения о «тождестве слова», о «границах слова» и пр. никогда не приведут ни к каким прочным результатам, стало быть, никогда не смогут стать теоретической основой для решения вопроса об омонимах. Еще меньше могут помочь делу субъективные впечатления о «разрыве семантических связей». Единственной надежной основой для теории омонимов была и остается история слов. Отрыв проблемы омонимии от исторической лексикологии неизбежно приводит к той путанице, свидетелями которой мы являемся.

На совещании по вопросам описательной грамматики, лексикографии и диалектологии, состоявшемся в Институте языкознания АН СССР весной 1953 г., справедливо ставился вопрос об элементах историзма в описательной грамматике. Можно и нужно говорить об элементах историзма в лексикографии. Если успехи исторической грамматики не могут не отражаться на разработке грамматики статической, то и успехи исторической лексикологии не могут не отразиться на построении «статических» словарей.

На словах никто не оспаривает, что историзм составляет основу основ советского языкознания. Но на деле всякая попытка внести историческую точку зрения в описательную грамматику или словарь встречает оппозицию со стороны некоторых наших языковедов. Стоя на страже чистоты жанра, они считают, что историзму место только в исторической грамматике и историческом словаре. Описательная же грамматика и словарь — это совсем другой жанр, где элементы историзма совершенно неуместны.

По этому поводу нужно заметить, что применять историзм только к истории явлений — в этом нет никакой заслуги, как нет заслуги в том, чтобы солить соль. Историзм становится заслугой и преимуществом именно тогда, когда он применяется к статике явлений, точно так же, как о достоинствах соли мы узнаем лишь тогда, когда она применяется к пресному. Если наш историзм не вооружает нас для того, чтобы по-новому и лучше подойти к описанию и систематизации статических фактов, то грош цена такому историзму.

Марксистский историзм тем и замечателен, что давая единственно правильное объяснение динамике общественного развития, он вместе с тем дает нам непогрешимое оружие для того, чтобы разобраться и правильно описать любое общество на любой статической ступени его развития. Думать, что историзм имеет отношение только к историческим исследованиям — это верх наивности. Историзм в истории — это простая тавтология. Историзм означает не познание истории, а познание статики через историю. Историзм есть метод именно описания фактов, метод, наиболее совершенный, наиболее познавательный ценный.

Почему так называемое «широкое» понимание омонимии является антиисторичным, а стало быть ненаучным? Потому, что оно смешивает в корне разнородные с исторической точки зрения явления: с одной стороны, случайное созвучие разных по происхождению слов, с другой — созвучие, основанное на генетической связи. Первое есть омонимия, второе — полисемия. Различать эти два явления при нынешнем уровне исторической лексикологии обычно не составляет труда. И если то и другое подводится под одно «широкое» понимание омонимии, то это не

невольный антиисторизм, не антиисторизм по неведению. Лексикограф как бы заявляет: «Я отлично знаю, что разные случаи моих „омонимов“ представляют в историческом аспекте совсем разные вещи. Для меня достаточно, что в современном языке и те, и другие представляются мне разными словами».

Каждый неискушенный человек, пользующийся словарями, скажет, не задумываясь, что словарь, который наглядно показывает характерные для данного языка, исторически обусловленные связи между значениями, лучше словаря, который маскирует эти связи, растворяя их в общей массе омонимов. Выхолащивая из описательной грамматики и словаря всякий намек на историю, мы тем самым снижаем познавательную ценность, которую грамматика и лексика имеют как продукт общественного мышления и истории.

Полисемия — интереснейшее явление в плане проблемы языка и мышления. За полисемией всегда скрываются усилия человеческой мысли в поисках новых и новых средств познания, выражения, экспрессии. За омонимией же ничего не скрывается, кроме игры случая. Поэтому познавательный интерес полисемии огромен. Познавательный же интерес омонимии — ничтожен. Но наша новейшая лексикография вместо того, чтобы возможно рельефнее показать в словаре это различие, маскирует его, выделяя одинаковыми знаками и созвучные слова разного происхождения, и разошедшиеся значения одного слова.

У некоторых лексикологов вошло в обычай сетовать и сокрушаться по поводу крайней будто бы «сложности» проблемы омонимии¹.

Однако проблема омонимии совсем не так сложна, как нас хотят уверить. Больше того — она чрезвычайно проста, если только ее поставить на прочную основу исторической лексикологии. В историческом плане легко и точно различаются два явления: 1) созвучие разных слов, которые никогда, ни в какую историческую эпоху данного языка не были одним словом и развитие которых можно изобразить параллельными, нигде не сходящимися линиями; это и есть действительная омонимия; 2) созвучие слов, значения которых могут нам казаться сейчас более или менее сильно расходящимися, но которые (значения) явились результатом закономерного семантического развития одного слова — развития, которое можно изобразить линиями, сходящимися в одной точке; это — омонимия минимал, которая в действительности является полисемией. Между омонимией и полисемией нет ничего общего, никаких точек соприкосновения. Полисемия никогда не может стать омонимией и обратно.

Стало быть, первая и важнейшая задача лексикографа при выделении омонимов провести четкую границу между омонимией и полисемией. Он должен не только сам разобраться в этом, но и в словаре представить дело так, чтобы каждый, пользующийся словарем, мог легко и наглядно видеть, где омонимии и где полисемия, т. е. где разные слова одного звучания и где более или менее далеко разошедшиеся значения одного слова.

Инициатор этимологии сам много занимался лексикологической и лексикографической работой и может сказать с полной ответственностью: искусственно созданный миф о «сложности» проблемы омонимии не имеет ничего об-

¹ См., например: «Большое затруднение вызывает вопрос об омонимах, почти не разработанный в теории русской лексикографии» (указ. инструкция, стр. 9); «Один из серьезных и сложных вопросов словарной практики — это вопрос об омонимах» (С. И. Ожегов, О трех типах толковых словарей современного русского языка, ВЯ, 1952, № 2, стр. 100). А. И. Смирницкий пишет, что проблема взаимоотношения полисемии и омонимии «... является более сложной и теоретически трудной, чем это иногда представляется...» (А. И. Смирницкий, К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова»), «Труды Ин-та языкознания [АН СССР]», т. IV, М., 1954, стр. 38—39).

щего с действительностью. Если в отдельных случаях мы затрудняемся решить с каким из двух явлений мы имеем дело, с полисемией или омонимией, то это происходит не от сложности проблемы омонимии, а от недостаточности наших знаний по истории данных слов. Задача, стало быть, не в том, чтобы вести бесплодные споры вокруг вопросов «что такое слово», «где границы слова», «что такое омонимия» и пр., а в том, чтобы углублять и совершенствовать наши знания по истории слов.

*

Среди подлинных омонимов имеются две четко различающиеся группы: 1) омонимы корневые, 2) омонимы словообразовательные.

Корневыми омонимами мы называем слова, которые исторически не имеют между собой никакой связи. Их созвучие есть игра случая. Таковы омонимы: *бор* «лес» и *бор* «машина», *брак* в производстве и *брак* «супружество», *град* «город» и *град* «осадки», *клуб* дыма и *клуб* «организация», *ласка* «животное» и *ласка* «проявление нежности», *лук* «растение» и *лук* «оружие», *мина* «снаряд» и *мина* «выражение», *скат* «рыба» и *скат* «склон», *ток* для молотбы и *ток* электрический, *шайка* «сосуд» и *шайка* «группа», *шашка* игральная и *шашка* «оружие» и др. Сюда относятся и глагольные омонимы: *жать* (жну) и *жать* (жму), *слепить* от *лепить* и *слепить* «ослеплять», *спеть* от *петь* и *спеть* «созревать», *топить* печь и *топить* в воде, *творить* «создавать» и *творить* «размешивать с водой» и др.

Словообразовательными омонимами являются слова, которые этимологически между собой связаны и образованы из одних и тех же элементов, но возникли и жили независимо одно из другого. Стало быть, их развитие, несмотря на этимологическую связь, шло по схеме п а р а л л е л ь н ы х л и н и й, не вышедших из одной точки, что и является обязательным признаком настоящей омонимии. Примерами словообразовательных омонимов могут быть: *бумажник* «портфельчик» и *бумажник* «работник бумажной промышленности», *лезгинка* женск. род к *лезгин* и *лезгинка* «танец», *романист* «пишущий романы» и *романист* «специалист по романской филологии», *наряд* «одежда» и *наряд* «документ», *налет* «тонкий слой» и *налет* «нападение», *повод* лошади и *повод* «предлог», *прокат* в металлургии и *прокат* «временное пользование», *раствор* «жидкая смесь» и *раствор* двери и т. п.

Глагольными омонимами этого типа являются, например: *выжить* «остаться в живых» и *выжить* «заставить уйти из жилья», *выносить* «нести наружу» и *выносить* «терпеть», *замолчать* «умолкнуть» и *замолчать* «обойти молчанием», *запустить* камнем и т. п. и *запустить* «не заботиться», *найти* («нашла коса на камень») и *найти* «отыскать», *нестись* «быстро двигаться» и *нестись* о курице, *грубить* «говорить грубости» и *грубить* «делать грубым», *перевести* с одного места на другое и *перевести* «истребить», *походить* (от *ходить*) и *походить* «быть похожим», *стянуть* «туго связать» и *стянуть* «украсть», *хватать* «брать» и *хватать* «быть достаточным» и др.

К этому (словообразовательному) типу относятся также лексико-грамматические омонимы, принадлежащие к разным частям речи: *печь* (глагол) и *печь* (существительное), *течь* (глагол) и *течь* (существительное), *мочь* (глагол) и *мочь* (существительное), *напасть* (глагол) и *напасть* (существительное), *стать* (глагол) и *стать* (существительное) и др.

Установление словообразовательных омонимов представляется делом более деликатным и тонким, чем установление омонимов корневых. Оно требует нередко весьма тщательных историко-лексикологических изы-

ских¹. Речь идет о том, чтобы установить твердо, что данные два образования, хотя они имеют общую этимологическую основу и общие словообразовательные элементы, возникли независимо одно от другого (очень часто в разных местах, в разное время и в разной среде) и никогда и нигде в истории данного языка не ставились во взаимную смысловую связь. Только убедившись в этом, мы можем говорить, что перед нами действительно омонимия, а не завуалированный случай полисемии. Было бы, например, поспешно объявить омонимами *поддеть* «поднять, запечатив концом чего-либо» и *поддеть* острым словом, так как второе значение могло развиться из первого.

Если перед нами расщепление значений когда-то единой лексемы в рамках документированной истории данного языка, то, как бы далеко ни разошлись значения и как бы велик ни казался «разрыв семантических связей», мы можем говорить только о полисемии, но никак не об омонимии. Омонимия возникает не тогда, когда возникает впечатление «разрыва семантических связей», а лишь в том случае, если этих связей никогда в истории данного языка не существовало. Нельзя хоть один случай или вид полисемии объявить омонимией без того, чтобы не создались предпосылки для путаницы и произвола в выделении омонимов. К чему это приводит на практике, мы видели на предыдущих страницах.

Известно, что наши старые словари, не свободные от многих недочетов, в отношении омонимов давали в общем правильную картину, поскольку они, сознательно или стихийно, проводили принцип размежевания омонимии и полисемии². Этот принцип полностью себя оправдал и несколько не устарел. Напротив, благодаря успехам исторической лексикологии мы можем его проводить теперь более строго и последовательно, чем раньше. Но тут является соблазн взять десяток или сотню случаев полисемии, объявить их омонимией и эту несложную операцию преподнести как «новаторство» в лексикологии. К этому собственно и сводится весь «переворот», совершенный сторонниками «широкого» понимания омонимии. Предлагаю вернуться к традиционной трактовке омонимов, мы рискуем попасть в консерваторы. Но это нас несколько не смущает. Мы убеждены, что лженоваторство хуже и вреднее всякого консерватизма.

Нам представляется, что нельзя относить к омонимии не только лексическую, но и лексико-синтаксическую полисемию, когда слово, в зависимости от синтаксического употребления, выступает в роли то одной, то другой части речи: существительного или прилагательного, прилагательного или наречия, наречия или предлога (последнего) и т. п. Между тем в нашей новейшей лексикографии выявилась тенденция рассматривать и эти случаи как омонимии. В «Словаре русского языка», составленном С. И. Ожеговым, здесь, как и в других случаях, нет полной последовательности³. Составители вышеупомянутого «Англо-русского словаря» пытались быть более последовательными. Для них *inside* «внутренняя сторона», *inside* «внутренний», *inside* «внутри» (наречие) и *inside* «внутри» (предлог) —

¹ «Для каждого образования вопрос, который возникает по поводу того, имеем ли мы дело с разветвлением значений или с различными новообразованиями от того же корня, — приходится решать отдельно» (Л. А. Булаховский, Введение в языковедение, ч. II, М., 1953, стр. 56).

² Допускались, конечно, ошибки, когда к полисемии относились некоторые случаи фактической омонимии (главным образом, словообразовательной омонимии). Но это были именно ош и б к и, а не смешение омонимии с полисемией.

³ Ср., с одной стороны, употребление слов *рабочий*, *русский* то в качестве существительного, то в качестве прилагательного — в этих случаях и *рабочий*, и *русский* считаются омонимами; с другой — такое же двойное употребление слов *ученый*, *больной* и др., где омонимия не признается.

это не разные употребления одного слова, а четыре разных слова, омонимы¹.

Известно, что в таких языках, как тюркские, монгольские, угро-финские, многие кавказские, а также некоторые индоевропейские, наблюдается постоянное скольжение слов от одной части речи к другой без каких-либо изменений в форме: от существительного к прилагательному, от прилагательного к наречию, от наречия к предлогу или послелогу. Можно себе представить, как будут выглядеть словари этих языков, когда к ним дойдут веяния «современной лексикологии». Это будут непрерывные каскады мнимых «омонимов», среди которых с трудом можно будет распознать и выделить омонимы истинные.

В указанном английском словаре «новое понимание» омонимии создает довольно причудливую картину. Странно читать, что разными словами являются *clear* «ясный» и *clear* «ясно», *slow* «медленный» и *slow* «медленно», *sluggard* «лентяй» и *sluggard* «ленивый», что отношение между ними такое же омонимическое, как, скажем, между *mould* «форма» и *mould* «плесень» или *lap* «подол» и *lap* «жидкая пища»; *down* «вниз» и *down* «вниз по» признаются разными словами на тех же основаниях, что *down* «вниз» и *down* «пух». Свежего человека просто ошарашивает открытие, что общеизвестное *third* представляет в действительности три слова: *third* I (числительное) «третий», *third* II (существительное) «третей», *third* III (прилагательное) «третий». Истинным откровением было для нас, когда мы узнали, что в английском не одно, а два слова *darling*: *darling* I «любимец», *darling* II «любимый»², что семантический разрыв между этими словами больше, чем, скажем, между *zip* «треск разрываемой ткани» и *zip* «темперамент», которые даются как одно слово. Таковы «курьезы «современной лексикологии»³.

Подведем итог. В нашей новейшей лексикографии, без какого-либо серьезного научного обоснования, распространилось неправомерно расширенное понимание омонимий, в результате чего полностью запутались отношения между омонимией и полисемией. Это привело к тому, что выделение омонимов в словарях стало фактически субъективным делом каждого отдельного лексикографа. Для того чтобы изменить такое положение вещей, необходимо построить теорию омонимов на единственно объективном и, стало быть, единственно научном основании: на глубоком и тщательном изучении истории слов.

¹ Теоретической базой здесь являются сомнительные домыслы о «безморфемном словопроизводстве». В действительности «безморфемное словопроизводство» — это и есть полисемия.

² Здесь, кстати, упускается из виду и то, что в самом русском языке *любимый* может быть не только прилагательным, но и существительным.

³ Что «современная лексикология» в трактовке омонимий не сводит концов с концами, видно из следующего факта. Два словаря, которые мы внимательно изучили — русский С. И. Ожегова и английский В. Д. Аракина, З. С. Выгодской и Н. Н. Ильиной — оба в последних изданиях стали на путь безудержного размножения «омонимов». Казалось бы, полное единодушие. В действительности — полный разброд. В «Словаре русского языка» омонимы плодятся в основном за счет чисто лексической полисемии, в английском — за счет лексико-грамматической. Если в «Словаре русского языка» выделение омонимов пытаются как-то оправдать видимостью «разрыва семантических связей», то в английском даже об этом не приходится говорить. Как можно думать, что между *darling* «любимец» и *darling* «любимый» разорвалась семантическая связь! Как видно, сторонники «широкого» понимания омонимий не могут поладить не только с материалом, но и между собой. Считаем нужным тут же подчеркнуть, что наша критика направлена только против последних изданий названных словарей и касается только трактовки омонимов. Во всех других отношениях мы не можем сказать об этих словарях ничего худого.